

Тяжёлые портьеры почти не пропускали слепящее полуденное солнце, и лишь единственному «лучу-беглецу», сумевшему просочиться сквозь плотную ткань, посчастливилось коснуться волос спящего мужчины. Золотистый блик мягко заиграл в прядях, подсвечивая их нежным ореолом. Янь Цзюнь спал глубоко, уткнувшись лицом в подушку; он был совершенно неподвижен, что подчёркивало его изящные, почти кукольные черты лица.

Глядя на него, нельзя было не восхититься тем, как щедро природа одарила этого человека. И хотя сейчас он был бледен, а в облике сквозила болезненная хрупкость, это лишь придавало ему вид драгоценного, легко бьющегося фарфора. Чёрное шёлковое одеяло, наброшенное на тело, резко контрастировало с белизной округлых плеч и тонкой шеей, делая кожу ещё белее, а шёлк — темнее.

Мужчина шевельнулся, медленно возвращаясь в реальность. Он попытался перевернуться, и гладкая ткань соскользнула, обнажая спину, покрытую яркими синяками и багровыми отметинами. Особенно заметным был след от поцелуя на позвоночнике, уходящий в соблазнительную ложбинку поясницы, которую одеяло едва прикрывало. Картина была до неприличия чувственной.

Ещё не открыв глаз, Янь Цзюнь почувствовал себя так, словно его сначала разобрали на части, а потом собрали заново, да не слишком аккуратно. Каждое движение отзывалось ноющей болью во всём теле. С трудом пересилив себя, он перевернулся на спину и уставился в потолок, проваливаясь в прострацию.

«Размер внушительный, техника — божественная... — вяло пронеслось в голове. — Но, мать его, кажется, кто-то явно перестарался».

Долго предаваться раздумьям ему не дали. В комнату вошёл Лу Ци со стаканом горячей воды в руках. Заметив, что любовник проснулся, он поспешно поставил стакан на тумбочку и поправил сползшее одеяло. Увидев бледность на лице Янь Цзюня, он нахмурился, и во взгляде на мгновение промелькнуло раскаяние.

Янь Цзюнь всё это время молчал, ограничиваясь красноречивым взглядом, полным немого упрёка.

Лу Ци не выдержал этого жалобного взгляда. Он присел на край кровати, притянул мужчину к себе вместе с одеялом и принялся мягко массировать ему поясницу.

— Сильно болит? — виновато спросил он.

Янь Цзюнь открыл рот, но из горла вырвался лишь невнятный хрип. Лу Ци тут же поднёс стакан к его губам. Сделав пару глотков, Янь наконец просипел:

— Мне сейчас не лекарем быть, а физику изучать надо.

Голос был сорван вчистую — и Лу Ци прекрасно помнил, почему именно. Пока он пытался понять ход мыслей своего «пациента» и попутно занимался самобичеванием, Янь Цзюнь добавил:

— От Хокинга я сейчас мало чем отличаюсь.

Лу Ци не сдержал короткого смешка и поцеловал его в лоб.

— Раз ещё тянет на шуточки, значит, жить будешь.

— Жить буду? — Янь Цзюнь странно выделил эти слова. — Ты считаешь, что «событие» — это только когда меня прямо в этой кровати вперед ногами вынесут?

— Я виноват, — повинился Лу Ци. — Слишком торопился, не подумал о тебе. Но ты так звал меня по имени... Как я мог остановиться?

Янь Цзюнь позеленел от возмущения:

— И в этом, блять, я виноват?! Кто втирал мне, что я обязан орать твоё имя, чтобы «не забывал, с кем я в постели»? А как только я замолкал, ты что творил?!

— Моя ошибка, — покладисто согласился Лу Ци. — Я ведь потом разрешил тебе молчать. Но ты же сам начал плакать и умолять меня... Вот я и зашёл на ещё один круг.

Терпение Янь Цзюня лопнуло:

— Да ты совсем совесть потерял! Кто обещал, что если я попрошу, ты прекратишь?! О твоём коварстве я вообще молчу, но это ты называешь «один круг»?! У тебя что, учитель математики в начальной школе застрелился?!

Лу Ци расхохотался, уже не таясь. Это стало последней каплей. Янь Цзюнь затрясся от злости:

— Ты вообще слышал о концепции устойчивого развития? Это, сука, не одноразовая акция! Ты меня в первый же раз чуть в больницу не уложил. Знаешь что? Дружи со своей правой рукой, а я в этом цирке больше не участвую!

Гневную тираду прервал долгий и нежный поцелуй. Лу Ци целовал его до тех пор, пока Янь не обмяк, а когда отстранился, он испытывал такое глубокое удовлетворение, какого не чувствовал никогда прежде. Возможно, больше не найдётся в мире человека, способного подарить ему такое идеальное слияние — от крови до самой глубины души. Одной близости с ним было достаточно, чтобы сердце замирало. Он мог обманывать свой разум, но не тело: рядом с этим мужчиной он терял контроль. Видя, как тот плачет под ним, умоляя пощадить, Лу

Ци не хотел останавливаться — в какой-то момент ему даже пришла безумная мысль задушить его в объятиях, прямо здесь, чтобы он навсегда остался только его.

Но, разумеется, он бы этого не сделал. Он слишком любил его — живого, язвительного и полного сил.

— Я люблю тебя.

Янь Цзюнь замер, а потом отвернулся.

— Скорее в привидение поверю, чем в мужика, который такое несёт после секса.

Лу Ци лишь миролюбиво улыбнулся и прижал его к себе крепче. Янь Цзюню стало не по себе от такой нежности, и он пихнул его локтем в бок:

— Я жрать хочу, умираю.

— Я приготовил кашу с пиданем и свининой, — улыбнулся Лу Ци. — Принести?

— Не буду, — отрезал Янь, но тут же осёкся и помрачнел.

— Не капризничай, — нахмурился Лу Ци. — Если не поешь, желудок прихватит. Ты столько сил потратил.

— Мы в чужом доме, ты не забыл?! — Янь Цзюнь чувствовал, как краснеет от одной мысли, что они вытворяли в гостях у Ду Сю. Как ему теперь в глаза смотреть?

— В каком чужом? — загадочно протянул Лу Ци. — Это наш дом. Я бы никогда не стал трахать тебя в чужой постели.

Янь Цзюнь даже не нашёлся, что ответить на такую прямолинейность.

— Это же особняк Ду Сю...

— До вчерашнего дня был его. С сегодняшнего — мой.

— Ты... купил этот дом?

Лу Ци просто кивнул. Янь Цзюнь смерил его долгим взглядом, а потом ткнул пальцем в кубики пресса:

— Иди за кашей. Живо.

Только когда Лу Ци помог ему сесть, подложив под спину подушки, и скормил небольшую порцию горячей каши, Янь Цзюнь почувствовал, что жизнь возвращается в тело. Вчерашний вечер сразу превратился в «марафон», так что до дел руки не дошли. Теперь, когда сознание прояснилось, он вспомнил обо всём остальном.

— Слышь, — окликнул он Лу Ци, когда тот собрался уходить с посудой. — Как ты эту маску с моего лица снял? Надеюсь, ты не звал Хэ Шу, пока я дрых? Если он меня видел в таком виде, я тебя убью.

— Я бы ни за что не позволил кому-то увидеть тебя таким, — усмехнулся Лу Ци. — Я позвонил ему, узнал, чем растворить состав, и он прислал всё необходимое. Я сам всё сделал.

— Хэ Шу проявил такую щедрость? — засомневался Янь.

— Ну, я пообещал инвестировать в его следующий фильм.

— Дорогая вышла доставка...

— Вовсе нет. Заодно получил от кинозвезды 3D-инструкцию по применению. К тому же фильмы Хэ Шу обычно окупаются.

Янь Цзюнь неохотно принял это объяснение, решив не уточнять сумму «инвестиций».

— А где то, что мы вчера купили?

— В гостиной бросил, — отозвался Лу Ци и вышел.

Янь Цзюнь закатил глаза. «Бросил в гостиной». Вещи, которые стоят целое состояние и, на минуточку, должны спасти тебе жизнь! Похоже, умение готовить кашу ещё не делает из мужика домовитую хозяйку.

Кряхтя и придерживая поясницу, он сполз с кровати. Преодолевая ступеньки, он проклинал всё на свете, но когда спустился, Лу Ци уже закончил на кухне. Увидев Янь Цзюня, который выглядел так, будто может переломиться пополам в любой момент, он подхватил его под локоть:

— Тебе же плохо, зачем встал?

— Зачем? — Янь фыркнул. — Боюсь, что пока я сплю, ты от своего пофигизма кони двинешь.

— Что за глупости? — рассмеялся Лу Ци. — Стоит мне испустить дух, ты же в тот же день себе замену найдёшь. Так что я пожить планирую.

— Отойди, я сам посмотрю.

Лу Ци ничего не оставалось, кроме как усадить его на диван и пододвинуть два аукционных лота. Перед Янь Цзюнем стояли две шкатулки: одна длинная, другая квадратная. На мгновение он замялся — сердце забилось чаще. Первой он открыл квадратную. Внутри лежал чёрный, невзрачный с виду гриб, на шляпке которого угадывались очертания искажённого, пугающего лица.

«Призрачный линчжи. Он самый».

Янь Цзюнь захлопнул крышку и всучил её Лу Ци:

— Твоё спасение. Спрячь и не смей терять.

Затем его взгляд переместился на футляр для свитка. Он замялся, но долго не решился протянуть руку. Лу Ци, который лучше всех понимал, как важна эта картина для Яня — ведь тот едва не потерял над собой контроль прямо в зале, — молча отставил линчжи и сам взял длинный футляр.

Янь Цзюнь подался вперёд, следя за каждым его движением, но мешать не стал. Лу Ци извлёк свиток на чёрных урюковых валиках и начал медленно разворачивать его. Под влиянием деда Лу Ци и сам неплохо разбирался в искусстве, повидал немало шедевров, и поначалу картина его не впечатлила. Но теперь, когда он вглядывался в неё вблизи, по спине пробежал холодок.

С точки зрения коллекционера вещь была уникальной: древняя, сдержанная, выполненная в стиле, не похожем ни на одну из известных династий. Каллиграфия — «железные мазки и серебряные крючья» — была превосходна, в ней чувствовалась недюжинная сила духа. Но Янь Цзюня зацепила не художественная ценность. Его зацепил человек на картине.

Лу Ци взглянул на Яня и увидел на его лице выражение, которого никогда не замечал раньше. Это была почти пугающая хрупкость: смертельная бледность, покрасневшие глаза, в которых бушевал такой шторм эмоций, что становилось не по себе.

— Я и не думал, что увижу её снова... — прошептал Янь Цзюнь.

Он уже взял себя в руки, и лишь заметное волнение выдавало его. С глубоким почтением, почти благоговейно, он коснулся кончиками пальцев края свитка.

Лу Ци снова посмотрел на женщину. На ней был сложный головной убор, характерный для малых народов, но поверх — ярко-красная накидка в стиле эпохи Тан. Эти два направления,

казалось бы, несовместимые, на ней смотрелись верхом гармонии. Она стояла под сенью исполинского дерева и, обернувшись, улыбалась — так нежно и ясно, словно тысячи лет истории сжались в этом миге. Казалось, загляни ей в глаза — и познаешь вечность.

Лу Ци вздрогнул. Когда женщина на картине улыбалась, глядя через плечо, в её облике проступало нечто до боли знакомое. Этот поворот головы, этот свет в глазах...

— Она... она кто?

— Моя мать, — тихо ответил Янь Цзюнь, поглаживая нарисованные волосы.

Лу Ци застыл с открытым ртом. В голове билась одна-единственная дикая мысль: «Мать его... Моя тёща — из древних».

Признание, которое Янь Цзюнь подавлял в себе десять лет, наконец вырвалось наружу:

— Эту картину написал мой отец. Он был величайшим главой племени Хэси, истинным Богом-шаманом. К двадцати годам он объединил под своей рукой все племена Южного Синьцзяна. Его мастерство в магии Гу... я за всю жизнь не освоил и шестидесяти процентов. А когда ему исполнилось тридцать, он проделал путь в десять тысяч ли, чтобы взять в жёны младшую принцессу империи Великая Цзинь. Мою мать.

Лу Ци слушал, и каждое слово казалось ему главой из фэнтези-романа. Если бы это нёс кто-то другой, он бы просто развернулся и ушёл, бросив на прощание: «Остолоп». Но это говорил Янь Цзюнь.

— Так, погоди, — Лу Ци потёр лоб, пытаясь осознать масштаб катастрофы. — Твой отец — вождь дикарей... кхм, шаман, мать — принцесса, а ты, получается... метис?

Янь Цзюнь вдруг коротко рассмеялся, глядя на него с иронией:

— Что, страшно стало?

— Я в прострации... — честно признался Лу Ци. — Скажи честно... тебе сколько сотен лет?

Янь Цзюнь прищурился:

— Да так, около тысячи, наверное.

Лу Ци побледнел:

— Дай мне... дай мне это переварить.

Янь рассмеялся в голос:

— После смерти отца я занял его место. Однажды мы отправились на охоту, я сорвался со скалы... А когда очнулся — мне снова было пятнадцать, и я оказался в вашем мире.

Лу Ци шумно выдохнул, чувствуя, как гора свалилась с плеч. Янь Цзюнь же указал пальцем на угол картины, где в тени густых зарослей прятался маленький мальчик, обнимающий ствол дерева. Мальчишка выглядел сущим ангелом: озорной взгляд, точёные черты лица, сама жизнь.

— А это — я.

<http://bllate.org/book/17422/1660015>